

Борис ПАСТЕРНАК

Два письма С. П. Боброву

1

Б. Л. ПАСТЕРНАК — С. П. БОБРОВУ

26 ноября 1916 г. Тихие Горы

26 ноября, Т. Горы

Милый Сергей!

Спасибо за присланного Маяковского. Зачем ты сделал такую надпись, не дождавшись ответа моего на твое предложение? А я как раз отклоняю его, единственно по вине некоторых его деталей. Я органически не способен искать у Маяковского неловкостей стиля. Это было бы возможно, если бы у Маяковского то, что ты называешь уклоном в сторону извозничьего language*, не было явно намеренным исканием и находждением собственного стиля. Но не в этом дело. Это соображение, абсурдно выраженное к тому же, я высказываю для того, чтобы ослабить следующее. На мой взгляд, Маяковский единственный среди всех нас, пишущих, поэт, если относиться с некоторой обязующей взыскательностью к этому слову. А раз это так, то ни о какой чистке его фразеологии говорить я не возьмусь; и браться за это не стану по той единственной причине, что это претило бы моей душе и расходилось бы с тем чувством восхищения перед М. — которое, как тебе небезызвестно — неискоренимая и основательная моя слабость. Меня только удивляет, как это ты додумался до того, чтобы искать у Маяковского того, что при некоторой слепой рачительности может быть найдено у меня, у кого хочешь, наконец, но не у него, потому что в этом-то ведь и его

* языка (фр.). — *Ред.*

величавость и чистота, что литературные и словесно-критические мерилы к нему абсолютно неприменимы. Надо радоваться тому, что есть один такой и нет другого, а не коверкать этого последнего. Меня, было, обидело даже твое письмо с этой стороны, и в сердцах я чуть не наговорил тебе лишнего. А потом вспомнил твою взбалмошность, Сергей, и у меня несколько от сердца отлегло. А все-таки, как тебе не стыдно, Сергей? Ведь не слепой же ты. А ведь я тебе завидую, что у тебя иммунитет какой-то есть, которым я по отнош<ению> к таким явлениям, как Маяковский, не располагаю. Жду письма. Жму руку.

Твой *Б. Пастернак*

Дня через три отправляю тебе стихи для альманаха. Не грызись там слишком. Боюсь, подведешь ты меня там чем-ниб<удь> таким, что для меня участие в альманахе сделаешь невозможным. Ну, вот, к примеру, хоть — травлей Маяковского.

2

Б. Л. ПАСТЕРНАК — С. П. БОБРОВУ

13 февраля 1917 г. Тихие Горы

13. II.

Дорогой Сергей!

Твоей телеграмме не повезло. Она была завезена черт знает куда и к кому и лишь по истечении недели доставлена мне — по счастливой случайности. Твоему заказному был я несказанно рад и ответил бы на него тотчас, будь у меня статья о Маяковском написана; но я подходил к гениальному мычанию и так и сяк и все меня это не удовлетворяло; а послать тебе опять холостое письмо мне не хотелось, я решил, что в ответ на твое тебе будет послано это письмо мое с осязательным приложением.

Не знаю, как тебе последняя моя попытка понравится. После ряда самых разнообразных вариантов я пришел к такому заключению, что о Маяковском писать с той специальной деловитостью, с какой я писал о Николае и готов говорить о тебе, о моих собственных намерениях и т. д., — невозможно. Бегло просмотрев прилагаемую статью, ты сразу же поймешь, под каким углом зрения я разбирал его, и догадаешься почему. Я знаю, как неприятен будет тебе «естественноисторический»

привкус статьи, но этот привкус неизбежен. В самом деле, рассуди сам. Первые его вещи ярче последних. Род их яркости близок мне и тебе, м. б., памятен; до знакомства с Николаем и с тобой я писал именно так. Я этой яркости достоинством превосходным не считаю; — иначе какого дьявола я стал бы подавлять в себе этот сумбур. Но не в этом, конечно, дело. А дело в том, что отметить я у Маяковского упадок образности, ничего к этому замечанию не прибавив, — я бы явно покривил душой. Вышло бы, что эти первые его вещи годятся в прототипы форм, желательных для развития поэзии; тогда как это образцы явно нежелательных форм, несмотря на всю их живую полновесность. Я думаю, в этом ты согласишься со мной. Не стану развивать этих презумпций — скучное и лишнее дело. Ты сам сообразишь, как несправедливо было бы по отношению к ним голословное предпочтение последних его вещей в ущерб первым. А эти противоречия в плоскости самой реальной поэзии разъяснению и примирению не поддаются. В статье имеется достаточно указаний на то, что самобытности в сфере конкретизированного искусства места я не отвою, потому что не нахожу в нем для нее места. Но я считаю недопустимым обойти молчанием ее явление. Вот откуда и явилось у меня все то, что ты, наверное, почтешь за фразы, к делу не относящиеся. От быстрых слов о нем как о единственном поэте и т. д. — я уже как-то в письме к тебе отказался. Напиши мне, пожалуйста, как получишь статью, что ты о ней думаешь. К чему нам разбирать Андр. Белого? Эта антропософия до литературы никакого касательства не имеет. <.. .> Сегодня отошлю ст. о Маяковском, и т. образом, считаю моим с альманахом — конец. Если потребуешь, могу послать тебе книжку Белого. Теперь думаю взяться первым делом за прозу. Дружески тебя обнимаю. Шли скорей книжки свои.

Твой *Б. Пастернак*

